

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий БОЛЬШАКОВ
ПОЗЫВНОЙ:
«КОПОРАД»

Наш человек Василий Сталин

Валерий Петрович Большаков
Позывной: «Колорад». Наш
человек Василий Сталин
Серия «Военно-историческая фантастика»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17069681

Позывной: «Колорад». Наш человек Василий Сталин / Валерий Большаков: Алгоритм; Москва;

2016

ISBN 978-5-9955-0824-3

Аннотация

Он – пилот единственного боевого самолета Новороссии, штурмовика Су-25, отбитого ополченцами у «жовто-блакитных» ВВС.

Он – «черная смерть» для бандеровских карателей и с гордостью носит позывной «КОЛОРАД», которым его наградили киевские убийцы.

Но во время очередного вылета он не просто «проваливается» на Великую Отечественную, но оказывается в теле Василия Сталина!

Каково это – быть сыном Вождя? Удастся ли «попаданцу» стать лучшим советским асом и переломить ход истории, отправив в отставку интригана Яковлева и вернув из опалы гениального Поликарпова, чей авиашедевр И-185 превосходит новейшие модификации «мессеров» и «фоккеров»? Посмеет ли Василий Сталин дать бой не только «экспертам» Люфтваффе, но и банде Хрущева? Кто прячется под личиной «Никиты Сергеевича»? И сможет ли сталинский «колорад» одолеть иуду-«кукурузника»?

Содержание

Глава 1 Ополченец	5
Глава 2 Комэск	12
Глава 3 «Дело о шиле»	20
Глава 4 Диверсант	27
Глава 5 Охотники	33
Глава 6 «Соколиный удар»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерий Большаков
Позывной: «Колорад». Наш
человек Василий Сталин

© Большаков В.П., 2016

© ООО «Яуза-пресс», 2016

Глава 1 Ополченец

Донбасс, Мариуполь, 19 августа 2016 года

– «Колорад»! Вижу противника!

– Аллес гут...

Пулеметные очереди, меченные трассерами, сошлись на хвосте «Тандерболта»¹.

Оторвать, не оторвали, но правый киль отполовинили.

– Так тебе и надо, – буркнул Григорий Быков, разворачивая легкую «Элочку».

Связываться со штурмовиком «А-10», сидя в кабине «Л-29», было страшно.

Это все равно, что с перочинным ножиком кидаться на десантника в полном боевом.

Однако ежели умеючи...

– «Колорад» – «Адидасу», – вызвал он ведомого. – Будь готов!

– Всегда готов! – толкнулся в наушники радостный голос.

– Пионерчик юный... – проворчал Быков.

Что бы там ни говорили, а «Тандерболт» неуклюж, к высшему пилотажу малопригоден – углы тангажа и крена у него ограничены. Такому в узком каньоне не пролететь – не впишется.

А вот «Элочка», она же «Дельфин» – машинка юркая...

– «Адидас», тяни вправо!

– Тяну-у...

– Круче тяни!

– Понял...

– С превышением на двести.

– Понял...

– Аллес гут.

Штурмовик с ревом описал дугу боевого разворота – с его крыльев срывались белесые «усы» воздуха.

Стробоскопически заколотились огни пушки.

Мимо!

«Л-29» извернулся, пропуская снарядики под собою, и «надрал америкосу хвоста» – пулеметы прострочили «Тандерболт» от бронекабины до разнесенных килей.

Толку от стрельбы было мало, особо навредить штурмовику «Элочка» не могла – броню фиг пробьешь, но как отвлекающий маневр...

– «Адидас», атакуй! Прикрою.

Ведомый «Дельфин» выпустил ракету по округлой «бочке» двигателя.

Попал!

Тяжелый «А-10» тряхнуло.

– Есть! – завопил ведомый. – Горит, с-сучара!

– Аллес капут.

Раскаленная вольфрамовая проволока БЧ наделала делов – левое сопло разворотило, а из правого забрызгали вспышки, потянулся серый дым.

Пилот-хохол не выдержал, катапультировался.

– А вот хрен тебе! – процедил Григорий, беря в прицел парашютиста.

Короткая очередь... Тело обвисло на стропах.

Будем считать – готов.

¹ Почти все ссылки автор вынес в конец текста, дабы не отвлекать читателя. Данные о самолетах и прочие непонятности можно найти там.

– «Берлога», «Берлога», ответь «Колораду»! – вызвал Быков КП.

– Я «Берлога», ответил!

– «Берлога», налет отбит.

– Добре, – прошуршало в наушниках. – Вертайтесь.

– Принято.

Григорий, приглядывая за ведомым, повернул к Широкино.

Первое время он получал «глубокое удовлетворение», сбивая бандеровских летунов, а теперь по привычке.

Работа такая.

Служба.

...Оставляя в стороне гору Шпиль, сделал круг и сел на полевом аэродроме.

Свист турбины стихал, словно озвучивая уход напряга.

«Колорад» вздохнул и покинул кабину.

Ведомый в новеньком летном комбезе уже попирает траву разношенными кроссовками, за что, кстати, и был прозван «Адидасом».

– Вы видали, как мы дали? – весело заорал он.

– Видали... – хмыкнул Быков. – Повезло нам.

– Это почему еще? – вытянулось лицо у «Адидаса».

– Летун – дерьмо.

От палатки, изображавшей КП, вразвалку приблизился начштаба, позывной «Медведь» – огромный человечище, косматый и бородатый.

Ступал он, однако, мягко и бесшумно. Подкрадется если да рявкнет – никакого слабительного не надо...

– Здорово! – прогудел «Медведь».

Рука Григория по привычке потянулась честь отдать, но «одумалась» – и угодила в тиски лопатообразной пятерни начштаба.

– «Колорад», кажись?

– Он самый.

– Давно у нас?

– С того месяца.

– Ага... Раньше шо пилотировал?

– «Миги», «Сушки»...

– Военный, што ли? – прищурился «Медведь».

– Был, – буркнул Быков.

– А-а... – вопросительно затынул начальник штаба.

– Уволили за пьянку.

– Ага...

«Медведь» так сказал это свое «ага», что «Колорад» поспешил оправдаться:

– Дурак был!

– С этим делом завязал? – строго сказал начштаба.

– А толку? – пожал плечами Быков.

«Медведь» ухмыльнулся понимающе:

– Ну, да. От неба-то отлучили! А тебе, как тому водяному из мультика, «летать охота»...

– Ну, так... – вздохнул Григорий.

– А это не про тебя «Хоббит» рассказывал, шо ты инструктором в авиаклуб пристроился?

– Про меня, – заворчал Быков, морщась досадливо. – Болтун.

– Да ладно! – жизнерадостно воскликнул «Адидас». – Расскажи лучше, как к вам киношники нагрянули!

– Ой, да... – Григорий сморщился и рукой махнул.
– А шо за киношники?
– Сериал снимали, – сказал «Адидас», словно похвастался, – про Ваську Сталина!
– Я-то тут при чем? – пробурчал «Колорад».
– Здравсте! Ты ж дублером был! На самом настоящем «Ла-5» рассекал! Я по телику видел. «Ахтунг, ахтунг! Ла-фюнф ин дер люфт!»²
«Колорад» пожал плечами.
– Ага... – глубокомысленно произнес «Медведь». – Воевал?
– Афган, – обронил Григорий.
– Ага... – «Медведь» задумался, смешно оттопыривая нижнюю губу. – На «Су-25» летал?
– Приходилось.
Быков вспомнил, как он гонял душманов «за речкой на юге». Изничтожал всеми доступными средствами.
У Герата и Шинданда, среди скал Луркоха, под Кандагаром и Панджшером.
Почти четыреста боевых вылетов, у пилота ни царапины, а бедный «Грач» однажды заработал полтораста пробоин – тридцать зениток «Эрликон-Берле» били из кишлака, прямо салют на Красной площади!
Не хватало дюралья для латания дырок, так их заделывали расплюснутыми гильзами.
Да, были схватки боевые...
Однажды и «духи» подловили прыткого «шурави» – догнал его «Стингер».
Ракета снесла правый двигатель, освежевала «сушку» по всему борту, но такой пако-сти, как давеча с «Тандерболтом», не случилось – у «Грача» между обоими моторами титановая плита стоит.
Так что второй «двигло» не задело, на нем и дотянул до Баграма...
– Я почему тебя пытаю, «Колорад»... – посерьезнел начштаба. – К Мариуполю от границы мехколонна движется – танки, бэтэры, наливники... Все это железо по «М-14» катится. Стародубовку они уже миновали, следуют на Мангуш. Надо бы их... того... приветить.
Быков, неожиданно для себя, разволновался – даже в горле пересохло.
– На «Граче»? – спросил он сипло и прокашлялся.
– На нем, родимом. Ты у нас, выходит, самый опытный, тебе «сушку» и доверю. Расколошматишь укров и ворочайся.
– Расколошмачу, – твердо сказал «Колорад».
Подняв «Грача», отяжелевшего от БК, Быков повел его на запад.
Летел и счастливо улыбался.
Аллес гут.
Он даже мечтать не смел, что снова сожмет ручку управления *настоящего* самолета.
Ну, раньше и война в Донбассе представлялась ему как бы ненастоящей, чужой, хотя все Быковы отсюда.
Еще прапрадед, Антон Гаврилович, поселился в тогдашней Юзовке.
Дед, правда, покинул родной город, а вот отец вернулся. Женился. Через год родился он, Григорий Алексеевич.
Родился в Сталино, а рос уже в Донецке, до самого призыва.
Потом армия, военное училище, дальние гарнизоны...
И все равно не сочетались в Быкове детские впечатления с картинками телепередач.

² «Achtung, achtung! La-funf in der luft!» (нем.) – Внимание, внимание! «Ла-5» в воздухе!

Это было дико – видеть, как из асфальта торчат остатки эрэсов, как «Гастроном» на углу, куда он бегал за ирисками, превратился в руины.

Смотрелись репортажи из «зоны АТО», как идиотская, недобрая фантастика.

А потом все сочлось.

Стоило ему вернуться в Донецк, пройти по знакомой улице, изъязвленной воронками, постоять перед развалинами дома, в котором жил когда-то, одарить конфетой маленькую девочку, ковылявшую на костылях, с ножкой, оторванной при артобстреле, и срослось все.

Ты мечтал полетать? Вот и будешь летать!

И бить фашистов...

«Двадцать пятый» слушался отменно.

Обогнув Мангуш, Григорий вновь вернулся к трассе «М-14».

Серая лента дороги вилась между полей и редких тополиных рощиц.

А вот и цель.

Колонна бронетехники ВСУ растянулась и перла по осевой, курясь серыми, сивушно-синими и копотно-черными дымами.

Впереди шли танки «Булат», перемежаясь с тяжелыми «БМТ-72» – теми же танками, только зачем-то с десантными отделениями на полдесятка пехотинцев.

Замыкали колонну хохляндские броневые автомобили «Годзилла» и штатовские «Хамви», а посередине тарыхтела парочка «Абрамсов».

Надо же, остались еще...

После «Широкинского котла» ополчение разжилось трофейными штатовскими танками – добробатовцы бросали их целехонькими, с полным боекомплектом и даже с нетронутым ЗИПом.

Фигня эти «Абрамсы». «Т-90» их перещелкает.

Играючи.

...Описав боевой разворот, Быков сосредоточился.

Ну, начнем с бомбочек...

Быков круто повернул, перевел самолет в пикирование, и машину затрясло. Ничего...

Сброс! Пошли ПТАБы...

С «Хамви» открыли пулеметный огонь по «сушке» – словно градины прошли по днищу.

Не тот калибр, ребята...

«Колорад» положил самолет на крыло, чтобы лучше видеть проделанную работу. Ага...

Цели накрылись.

Три «Булата» весело горели, заокеанский «Абрамс» составил им компанию.

Топливо в раскуроченном бензовозе вспыхнуло, пошло волной, вздыбилось огненным облаком.

«Грач» вздрогнул – это с пилонов сорвались РБК, накрывая «Годзилл» и «Хамви».

Те сбились в кучу, силовики спешно покидали машины, разбегаясь, как тараканы по кухне.

Поражающие элементы рвали их и кромсали.

Поделом.

Быков виражил при повторных заходах, не упуская противника из виду, и добивал, экономно расходуя боезапас.

Пронесаясь над колонной в очередной раз, он набрал высоту, одновременно разворачиваясь.

С запада поспешали два «Тандерболта».

– В очередь, навики, в очередь, – процедил Быков.
Отбомбившись, он выполнил заход на уцелевшие «Хаммеры» и расстрелял их ракетами.

Оба зарядных блока опорожнил.

Полегчало...

Вражеские самолеты заходили в атаку, ложась на крыло.

На «нормальной» войне не принято, чтобы штурмовик вступал в бой со штурмовиком, но на Украине все шиворот-навыворот и через... одно место.

Энергичным полупереворотом Григорий пошел на снижение и развернулся в лобовую атаку.

Противник не принял ее, ушел вверх, в сторону солнца.

Войдя в боевой разворот, парочка пристроилась в хвост «сушке».

Пора делать обманный маневр.

С большой перегрузкой Быков выхватил самолет из пикирования на вертикаль.

Чуток дал крен для крутой спирали.

Вверху «горки» пришел в себя от восьми «же» и на пределе вертикальной скорости переложил «Грача» в горизонтальный полет.

Прямо перед носом «Су-25» вышел из «горки» ведущий вражеской пары. Григорий сделал небольшой доворот.

Захват цели...

Навстречу «Тандерболту» ушла «Р60М» – ее головка самонаведения «прицепилась» к калившемуся соплу.

– Заполучи, фашист, гранату, – пробормотал «Колорад» и нажал гашетку.

Авиапушка задолбила, частя бронебойно-разрывными и осколочно-фугасными снарядами.

Хвост ведомого «Тандерболта», пролетавшего слева, украсился клубочками огня, а потом рванула «шестидесятая», влипившаяся в горячий движок ведущего штурмовика.

Турбина мгновенно пошла вразнос, раскаленные лопатки полетели веером в стороны, рубя все подряд.

– Аллес капут!

Ведомый «А-10» выдал очередь из пушки, да только руки у летчика не оттуда росли – снаряды полетели мимо и дальше.

«Грач» повернул, и Быков нажал кнопку привязки цели на ручке управления...

...Это случилось какие-то секунды спустя – впереди, засты «А-10», расцвела круглая радуга.

Такие Григорий уже видывал с высоты – не дуги, а радужные кольца, но та, что возникла перед носом «Су-25», была ярка и отливала непривычным спектром – сиреневым, вишневым, аспидно-черным, фисташковым, розовым...

Миг – и «Грач» пронзил радугу, словно мишень, «попадая в десятку».

Свет померк, пропали все звуки, а мгновение или вечность спустя солнце засияло снова, только с другого боку, и вернулся натужный рев двигателя.

Другого.

Совсем другого.

Капли горелого масла расплывались по граням бронированного ветрового стекла, запахло бензином...

Быков вскинулся, узнавая тесную кабину «Як-9», как в том дурацком сериале, расплывчатый круг пропеллера в носу истребителя, черную приборную доску и серые борта.

А на пересекающихся курсах его атаковал «Фокке-Вульф-190»...

Из выпускной аттестации на курсанта Качинской Краснознаменной военной авиационной школы В.И. Сталина:

«Энергичный, инициативный, настойчивый, принятое решение доводит до конца; требовательный к подчиненным, как старшина отряда; внимательный к запросам подчиненных; резковат в обращении иногда в разговорах с вышестоящими командирами. Лично дисциплинированный, может служить примером для других, охотно делится с товарищами своими знаниями.

Теоретическая успеваемость отличная. Техника пилотирования отличная.

Больше интересуется практическими занятиями по всем предметам, недооценивает теоретическую часть их.

Хорошо усвоил полеты в закрытой кабине и штурманские, отлично выполнял полеты на высоту с кислородом, отлично летает строем. Летать любит, но недостаточно тщательно готовится к полетам, необходим контроль за подготовкой к полетам.

Физически развит хорошо. Строевая подготовка отличная.

По личным и летным качествам может быть использован в истребительной части как летчик-истребитель и достоин присвоения военного звания «лейтенант», так как все предметы и технику пилотирования сдал на «Отлично».

Инструктор-летчик капитан Маренков 21 марта 1940 г.»

Письмо Василия Сталина отцу по поводу Липецких курсов:

«Здравствуй, дорогой отец!

Как твоё здоровье? Как ты себя чувствуешь?

Я недавно (22, 23-го и половина 24-го) был в Москве, по вызову Рычагова, очень хотел тебя видеть, но мне сказали, что ты занят и не можешь.

Рычагов вызывал меня по поводу учебы. Летать мне тут опять не дают. Боятся, как бы чего не вышло.

Он меня вызывал и очень сильно отругал за то, что я начал вместо того, чтобы заниматься теорией, ходить и доказывать начальству о том, что необходимо летать.

И приказал об этом вызове и разговоре доложить тебе, но я тебя не видел.

Все же Рычагов приказал давать мне летать столько же, сколько летают и остальные.

Это для меня самое главное, так как я уже два месяца не летал и если так пошло бы и дальше, то пришлось бы учиться сначала летать.

Вообще от курсов ожидали все слушатели большего.

В Люберцах и многих других частях летают на новых машинах «МиГ», «Як», «ЛаГГ», а у нас на курсах командиры эскадрилий летают на таком старье, что страшно глядеть.

Летают в большинстве на «И-15».

Непонятно, кем мы будем командовать. Ведь к июню месяцу большинство частей будет снабжено новыми машинами, а мы, будущие командиры эскадрилий, не имеем понятия об этих новых машинах, а летаем на старье.

Проходим в классах «И-16» и мотор «М-63» и «М-62». По-моему, лучше было бы нас учить мотору 105 и 35 и самолету «Як» и «МиГ», потому что, когда мы придем в часть, нам не придется летать на «И-15» и «И-16».

А тот командир, который не знает новой материальной части, не может командовать летчиками, летающими на ней.

Слушатели получают письма от товарищей из частей и, правду говоря, жалеют о том, что не находятся в части, летают на старых машинах без охоты, а лишь для того, чтобы выполнить задание. Да это вполне понятно.

Люди тут собрались, по 1000 и 2000 часов налетавшие, почти все орденосцы.

У них очень большой практический опыт. И вполне понятно, что им надоело летать на старье, когда есть новые хорошие машины. Это мне все равно на чем летать, так как у меня этого практического опыта мало. А им, конечно, хочется нового.

К тому же были случаи, когда эти старые самолеты не гарантировали благополучного исхода полета.

Например, отлетали фонари, отлетали щеки крепления крыльевых пулеметов. А такие случаи очень редко кончаются благополучно.

В данном случае все обошлось хорошо только благодаря тому, что на этих самолетах были старые и очень опытные летчики.

Вот, отец, обо мне и курсах пока все.

Отец, если будет время, то напиши хоть пару слов, это для меня самая большая радость, потому что без тебя ужасно соскучился.

Твой Вася. 4.III.41 г.».

Глава 2 Комэкск

СССР, Калининская область, район деревни Семкина Горушка. 5 марта 1943 года.

Мыслей не было. Вообще.

Пропали куда-то.

Даже чувства угасли, словно их задуло, как свечи.

Быков не верещал: «Где я?! Что со мной?», не гадал, не рефлексировал.

Он действовал на автомате, будто робот какой.

Ручку на себя...

«Як» взревел, набирая высоту.

«Фоккер» в это время входил в пике, ваясь с «горки» и посылая очереди туда, где должен был оказаться верткий самолет «ивана». А вот хрен...

Ребята в Афгане звали его «ганфайтером», как тех стрелков на Диком Западе, что лихо обращались с «кольтом». Так и он.

Великолепная координация движений, быстрота реакции, холодный и точный расчет – это в нем от папы с мамой.

Промахов не дожидаетесь!

«Колорад» сбросил рычажок-предохранитель и вжал гашетку. Самолет сотрясся, вспарывая серо-голубое брюхо «Фокке-Вульфа» очередью снарядов и пуль.

Есть!

Немецкий истребитель перевернулся, показывая серо-зелено-бурую «спину», да так и крутился, ввинчиваясь в воздух, пока не забурился в землю, пятнистую от не растаявшего снега.

Прах к праху. Аминь.

Быков глянул в зеркальце, прицепленное к козырьку фонаря. Сзади его догонял еще один «фоккер», а в стороне летело звено «Яков».

Наши!

– Коля, где командир? – пробилось в наушниках сквозь треск и шипение помех.

– Хер его знает!

– Командира зажали! – крикнул третий голос.

– Идем вверх на семьдесят! – пробасил первый.

«Это я, что ли, командир?» – подумал Григорий с холодным безразличием, словно вчуже.

Ну, нехай себе командир...

– Ваня, наверх! Будете нас прикрывать. Шульженко, атакуем! Ведомые, смотрим в оба!

– Андрей, отходи со снижением на девяносто! На девяносто снижайся!

– Серега, ты, давай, набирай. Володька, оттянись при атаке.

Набирая высоту, «Колорад» вошел в вираж.

Немец пустил за ним вдогонку очереди из курсовых.

Мимо.

«Як» пропустил трассы за собой, резко ушел в сторону и вниз, резанув очередью по размазанному силуэту «фоккера».

Попал!

Немец пыхнул огнем, мгновенно укутавшись пламенем – видать, снарядики бензобак разворотили.

Аминь, как говорится...

Пара вражеских истребителей уклонилась, уйдя к земле, и разделилась.

Быков за двумя зайцами гоняться не стал – повернул, взял в прицел того, что летел справа, и вжал гашетку.

Остро запахло порохом.

Шнуры очередей сплелись на крыле «фоккера», подрывая боезапас крыльевой пушки.

Полыхнуло здорово, отрывая плоскость напрочь.

Однокрылый «Фокке-Вульф» закувыркался и врезался в бурую плешь луга с наметами серого снега.

Готов.

– Командир третьего завалил!

– Вижу... Вовка, становись от меня слева. Идем на девяносто с набором.

– Противник слева, с превышением!

– Идем в наборе. Шульженко, прикрой! Атакую!

Далеко в стороне завиднелись странные изломанные силуэты – сильно растянутые по горизонтали буквы «W» с культяпками понизу.

«Лаптежники»! Пикировщики «Юнкерс» анфас.

А мы вам в профиль...

Пара «Яков» атаковала «лаптежников» чуть ли не на перпендикулярных курсах.

– Аркаша! На тебе атака. Отбиваю.

Вспухла пара-другая дымных шапок от разрывов, рыжие кляксы от тридцатисемимиллиметровок расплылись наискосок.

– Группа, набираем высоту. Ведомые, чуть оттянитесь и тоже бейте! Атакуем все!

«Ju-87» поспешно ушли в разворот, от греха подальше, но пушки оказались быстрее – тот из «Юнкерсов», что летел левее, задымил чадно, потянул к земле, да и взорвался на окраине какой-то деревушки.

Правый «лапотник» поспешно улепетывал, держа к юго-западу.

– Командир! – пробился уже знакомый – сердитый – бас.

– Я! – разлепил губы Быков, замирая.

– Ты чего ведомого бросил?

– Виноват, – буркнул «Колорад» и похолодел: это был не его голос.

– Ладно! – толкнулось в уши. – Отходим.

– Есть.

Нарезав пару кругов, эскадрилья «Яков» повернула к востоку.

До дому.

Быков едва дождался своей очереди на посадку, а когда «Як» прокатился по бурой траве, притираясь к полосе на все три точки, и лопасти замерли, он торопливо полез в карман кожаного реглана. Та-ак...

«Удостоверение личности начальствующего состава РККА».

«И кто я?..»

«Предъявитель сего Василий Иосифович Сталин, полковник, командир 32-го гвардейского истребительного авиационного полка» – значилось в документе.

«Колорад» очень медленно, очень аккуратно закрыл удостоверение офицера, спрятал и лишь потом снял шлемофон, чтобы лучше рассмотреть свое лицо в зеркальце.

Это было не его лицо.

На Быкова смотрел Василий Сталин, баловень судьбы, сын вождя.

– Попаданец? – фыркнул Григорий.

Дурость какая...

Тут его окатило – нет, не страхом, не отчаянием, а раздражением.

Произошедшее с ним Григорий воспринял, как непристойный, срамной розыгрыш, а то, что все по правде, как раз и бесило.

Что попал, то попал, усмехнулся он.
Как это в книжках про «наших там» зовется?
Перенос сознания? Или этой... как бишь ее... психоматрицы? Ладно, разберемся.
По крайней мере и позитивчик имеется в его попаданстве. Организм-то молодой! Глаза зоркие...
Быкова передернуло.
Касаться языком *чужих* зубов, ощущать *чужую* слюну во рту было противно.
Стоп.
Григорий поднял свои руки. Быстро содрал перчатки с крагами, внимательно рассмотрел ладони, перевернул...
Да его это руки!
Вон, на указательном пальце белый, едва приметный шрамик – это он в детстве порезался.
А вот родинка на суставе. И тот самый заусенец, что он вчера состричь не удосужился...
Татушка!
Быков стремительно расстегнул куртку и гимнастерку.
Чуть не порвал, оголяя плечо.
Скосил глаза.
Бледно-коричневое изображение орла наличествовало. Проступало размыто, но проступало.
Григорий хмыкнул довольно, успокаиваясь.
Эту наколку ему сделали в Таиланде, на пляже Паттайи.
Там постоянно бродили местные, кутаясь от солнца, даже перчатки надевали (загар считался приметой черни).
Поделки всякие впаривали, рубины фальшивые, кукурузу вареную и рыбу жареную. Педикюр предлагали или наколку сделать.
Он тогда подвыпивши был, вот и согласился.
Роскошный орелик получился, за сотню бат сторговались...
Так могла ли быть у Василия Сталина такая же тату?
Нет, конечно.
Значит, он не только ментально переместился, но и телесно чуток?
Быков сразу повеселел.
Ну, коли так, можно и в пространстве-времени определиться. Командиром полка Сталин заделался вроде как в феврале 43-го. Сейчас, пожалуй, весна – март или апрель.
Стало быть, воюют они на Калининском фронте, а этот аэродром – Заборовье, к западу от Осташкова.
Уже что-то...
Сдвинув плексигласовый фонарь, Григорий стал выбирать и похолодел.
Парашюта не было.
Полковник Сталин летал без него.
Нельзя было сыну вождя, ежели собьют, в плен угодить...
Тяжело прыгнув на землю, Быков кивнул подбежавшему технарю и пошел навстречу капитану Долгушину, командиру 1-й эскадрильи.
Быков усмехнулся: спасибо продюсеру!
На съемках он целый альбом перелистал со старыми фотками.
И этот губастый военлет, что шагает к нему с грозным видом Зевеса, тот самый Долгушин.

В принципе Сталин, как комполка, мог делать боевые вылеты в составе любой эскадрильи, но он чаще всего выбирал «коллективчик» Сергея Федорыча.

Летал обычно в звене Долгушина ведущим второй пары, а ведомый его... дай бог памяти... Володя Орехов.

Это от него, выходит, оторвался Вася Сталин, человек добрый и бескорыстный, но увлекающийся.

Хотя какой, к черту, Вася?

Это Гриша, выходит, подзабыл о ведомом! Твою ж медь...

Долгушин приблизился и отдал честь.

– Товарищ полковник! – отчеканил он. – Эскадрилья капитана Долгушина посадку произвела. Задание выполнено. Уничтожено пять самолетов противника. Потерь нет.

– Вольно, Серега, – буркнул «Колорад». – Знаю, что заигрался, бросил Володьку.

Комэск растерялся – он не узнавал Ваську Сталина.

На него смотрел тот самый разгильдяистый комполка, вот только взгляд был иным – серьезным, суровым даже.

– Все понял? – проямлил Долгушин.

– От и до, – хмуро ответил Быков. – Ладно, пошли ужинать.

Здание столовой расположилось в новеньком срубе, низеньком, словно распластанном, прикрытом маскировочной сетью, в ячеях которой торчали ветки и целые деревца.

Ни дать ни взять – холмик с краю поляны.

В столовой разносолов не подавали, но котлеты с макаронами были.

И роскошный компот. Расщедрился начпрод.

В рифму вышло, подумал Быков.

Напротив «Колорада» примостился его ведомый, робкий парень, часто смущавшийся, зато, как улыбнется – вылитый Гагарин.

– Извини, Володя, – сказал Быков. – Подставил я тебя.

– Да ладно! – сразу заулыбался Орехов.

Григорий покачал головой, налегая на котлету.

Вкусно, однако...

Так, правильно, если в этом пахучем произведении кулинарного искусства ничего, кроме мяса, лука, хлеба, вымоченного в молоке, да яйца?

«Колорад» усмехнулся.

Надо же, какова сущность человеческая...

Его тут закинуло в самый разгар Великой Отечественной, месяца, наверное, не прошло после Сталинградской битвы, а он о котлетах размышляет!

Натура такая...

Быков задумался.

В принципе он ничего не потерял после «ментального переноса», приобрел только.

Молодой, здоровый организм...

Запойный, правда, и прокуренный, но мы его отучим от вредных привычек.

Что он забыл в будущем?

Телевизор? Перебьется как-нибудь.

Ни жены, ни детей... Скучать не по кому.

А вот в прошлом развернуться можно, с такой-то родней!

Даже страшновато как-то...

Сам Сталин – типа, отец! Именно, что «типа»...

Но не расскажешь же Иосифу Виссарионовичу правду о том, что Василий стал Григорием.

Да и «попаданского» ноутбука нет, такого, чтобы и карты немецкие в нем были, и чертежи, и все такое прочее.

Да если он даже и признается Сталину, а тот вдруг поверит, что толку?

О многом ли «Колорад» может поведать вождю?

Вот, нынче 43-й, пятое марта. И что?

Какие предсказания сделать?

О том, что летом «Курская дуга» случится? Так к ней-то сейчас как раз готовятся.

А больше он ничего и не знает!

Быков дотерзал котлету, взял двумя руками кружку с компотом и сделал большой глоток.

Главное теперь что?

Главное – Ваську Сталина в люди вывести, заставить всех уважать Василия Иосифовича не за родство.

А дальше видно будет...

К столу подсел майор Бабков.

С опаленным лицом, волевым подбородком и проницательными глазами, он куда больше тянул на командира полка, чем Василий Сталин. Герой Советского Союза, это вам не жук начинал.

В принципе Василий Петрович и командовал 32-м гвардейским, только недолго – Василий Иосифович занял его место.

Бабков стал замом, хотя все понимали прекрасно, кто командует полком.

– Поздравляю, Вася, – сказал майор. Заглотив макароны по-быстрому, он уложил котлету на кусок хлеба и с удовольствием откусил. – Три «фоки» за один вылет – это не слабо!

Быков молча кивал, потягивая из кружки.

Да, дескать, числятся в моей биографии такие героические подробности.

– Насчет моего позывного... – начал он.

– А что позывной? – сказал Бабков с полным ртом. – «Сокол»? А? Звучит!

– Слишком, – хмыкнул Григорий. – Я другой возьму.

– Это какой же?

– «Колорад».

Замкомполка очень удивился.

– А... это что? На «колорадского жука» смахивает...

– Бандеровцы так наших прозовут... к-хм... прозвали.

– А-а... Понято. А что? Мне нравится! «Колорад»... – проговорил Василий Петрович вразяжку, словно пробуя слово на вкус. – Добро!

Тут возник Степа Микоян, жестом фокусника доставая початую бутылку «Столичной».

– Питие за сбитие! – пропел он, делая ударения на последних слогах, и добавил, словно оправдываясь, для Бабкова: – Вылетов больше все равно не будет, можно ж по граммулке...

– Наливай! – махнул рукою замкомполка.

Тут уж и Долгушин подсуетился, зазвякал гранеными стаканами. Водка щедро пролилась, и «Колорад» ощутил сильное желание выпить.

Два алкаша, из прошлого и будущего, нашли друг друга, – подумал он.

А вот хрен вам обоим...

– Ну, за тебя! – бодро сказал Микоян.

– За нас! – поправил его Быков, поднимая стакан.

– За победу! – заключил Бабков.

Стаканы клацнули, сходясь.

Григорий сделал один обжигающий глоток и отставил посуду.

Микоян глянул на него непонимающе.

– Новую жизнь начинаю, – заявил «Колорад».

Степан хитро улыбнулся и выложил коробушку «Казбека».

– Бросил, – усмехнулся Быков.

Долгушин внимательно посмотрел на него, «стрельнул» папироску и потащил из кармана галифе трофейную «Зиппо».

Закурив сам, дал огоньку Микояну и Бабкову.

Василий Петрович затянулся и глянул на «Колорада», щуря глаза.

– Не узнаю тебя, – протянул он.

– Я и сам не узнаю! – развеселился Быков.

– Но пока мне это нравится, – хмыкнул майор.

Григорий кивнул.

– Разговор есть...

Командир эскадрильи все понял и тут же потащил Микояна прочь.

Бабков посерьезнел.

– Полк на тебе, – негромко сказал Григорий. – Рули.

– А ты?

– А я буду на подхвате.

– Нет, так не пойдет.

– Временно.

– Хм. Временно? И чего ждать?

– Когда созрею до комполка.

– Хм. Понято. А пока?

– Эскадрильей покомандую.

– Так ведь все три комэска при деле!

– А если четвертую создать?

– Четвертую?

– Из «ветеранов».

Бабков задумался.

Идея была неплоха.

Когда Василий Сталин прибыл в полк, за ним целая свита пожаловала – полковники Якушин и Коробов, подполковник Герасимов, майор Зайцев, капитаны Микоян, Котов и Баклан.

Их прозвали «ветеранами», и были они, как изящно выразился Микоян, «при полку».

– «Яки» есть, – продолжал Быков.

– Согласен, – кивнул Василий Петрович. – Вот только маловато народу для эскадрильи.

– А комэски не поделятся?

– А мы сейчас и спросим! – оживился Бабков, разворачиваясь на скрипучем стуле. – Саня! Подойди-ка!

Капитан Мошин, командир 2-й эскадрильи, степенный и основательный, приблизился вразвалочку.

– Иван!

Капитан Холодов, комэск-три, о чем-то азартно споривший со своим ведомым, лейтенантом Макаровым, оглянулся и пошел на зов.

Долгушин, усиленно прислушивающийся к разговору, и сам нарисовался.

Оглядев всех троих, майор Бабков сжато изложил «рацпредложение» полковника Сталина.

Командиры переглянулись.

– Интересненько... – протянул Мошин, со скрипом потирая небритую щеку. – Нет, ну можно, конечно... Одного.

– Федорыч... – с укором затянул майор.

Но Мошин был тверд.

– Нет, я понимаю, что для пользы дела, – приложил он пятерню к сердцу, – но тогда с кем мне самому-то воевать, интересненько? Одного!

– Да мне хоть половинку, – улыбнулся Быков.

Холодов рассмеялся.

– Я тебе целого старлея отдам! – сказал он. – Миша!

Михаил Гарам, рассеянно ковырявший макароны за столиком в углу, встрепенулся.

Выслушав «приглашение», он подумал и кивнул.

Видать, сегодняшней бой его изрядно впечатлил³.

К концу ужина у командира 4-й эскадрильи в подчинении оказалось ровно десять летунов.

Кроме семерки «ветеранов», к новому комэску перешли Миша Гарам, Коля Шульженко, гвардии капитан, и Володя Орехов.

– Это правильно, – усиленно кивал головой Степа Микоян, – это хорошо! А то не понять, кто мы тут!

– Не-пришей-кобыле-хвост, – определил статус «ветеранов» майор Зайцев. – «При полку».

– Во-во!

– Заноси нас в плановую таблицу, – сказал Быков, обращаясь к заму, и встал из-за стола.

– Чтобы все, как у людей! – поддакнул полковник Коробов.

Бабков энергично кивнул.

– Понято, «Колорад»! Тогда готовьтесь, вылет с утра.

Сталину была выделена комнатенка в избе, которую он делил с Микояном, инженером полка Марковым, заработавшим прозвище «гвардии Петрович», и капитаном Котовым.

Раньше каждый вечер в большой комнате избы собирались комэски и прочие «приближенные», пили да болтали до ночи, но Быков был тверд: никаких «посиделок».

Они на фронте, а не в пивной.

Спаленка полковника Сталина размерами и роскошью не поражала: стол да стул, зеркало на стене.

Кровать, застеленная солдатским одеялом. Вешалка в углу.

Бездумно пощупав китель и шинель, Быков вздохнул.

Неприятные ощущения по поводу чужого тела оставили его, зато появились иные назойливые мысли.

Кем бы он ни был в будущем, но представлял себя самого, Григория Алексеевича Быкова, капитана, участника и прочая, и прочая.

Здесь же его не стало. Хотя...

Если хорошенько подумать, не стало как раз Василия Иосифовича Сталина. Остался пустой сосуд, содержимое которого выплеснуто.

Григорий усмехнулся: старое вино влили в новые меха.

Да, он не сможет заявить о себе, как о Быкове, но кто ж ему виноват?

Пятьдесят пять лет он грелся под солнцем и мок под дождями, и кому нужна была его личность?

Кому интересны были его мысли и суждения?

Кто вообще знал, что живет на свете такой индивид, как Г.А. Быков?

Славы Чкалова или Кожедуба ты не добился, Гришенька, да и не слишком-то и стремился. Верно?

³ В реале В. Сталин сбил 5 марта всего один «Фокке-Вульф-190». Впрочем, это тоже надо уметь.

А теперь тебе, по сути, второй шанс даден.

Свою жизнь ты, извини, просрал – дерево не сажал, дом не строил, сына (а лучше дочку!) не растил.

Врагов, правда, положил кучу, и за это тебе, может быть, зачтется.

Или уже зачлось?

В общем, «нэ журысь», товарищ Быков, как «Медведь» говаривал.

Давай, хоть чужую жизнь проживем так, чтоб не стыдно было людям в глаза глядеть!

«Колорад» подошел к окну.

Стемнело. Затихла аэродромная жизнь.

Заборовье выглядело точно так же, как и любой другой аэродром в прифронтовой полосе – землянки да капониры с краю летного поля.

В любую минуту могли поднять тревогу, избушки да землянки моментом наполнятся галдежом и топотом, забегают технари и красноармейцы БАО, готовя «Яки» к вылету, и – в бой.

Но пока было тихо.

Быков прижался лбом к холодному стеклу.

Далеко на западе, за пильчатой линией елок, слабо позаривало – это были отблески далекой канонады.

Шла война.

Цитата из политдонесения:

«1 марта 1943 г. во время осмотра самолета «Як-9», принадлежащего командиру 32-го гвардейского истребительного авиаполка гвардии полковнику Сталину В.И., обнаружено в соединении первой тяги от хвоста рулей глубины воткнутое техническое шило, которое заклинивало управление самолета. Предварительным расследованием выяснилось, что самолет последний полет имел 26.02.43 г., с тех пор на нем производилась работа по проверке шасси и съёмка бензобаков...

Считаю: совершен акт с диверсионной целью.

Необходимо немедленно: для личной охраны гвардии полковника Сталина, штаба полка, самолетов Сталина и капитана Микояна прикомандировать к полку 2-го отделения по 10 человек автоматчиков из внутренних войск НКВД.

Заместитель командира 32 ГИАП по политической части, гв. майор Стельмашук».

Глава 3 «Дело о шиле»

– Контакт!

– Есть контакт!

– От винта!

Техники, прокручивавшие пропеллер в поиске утечек масла, живо отскочили.

Тезка Быкова, Григорий Вавула, обслуживавший сталинский «Як», крикнул:

– Есть от винта!

Быков провернул кран самопуска, тот пшикнул.

– Воздух!

Самолет ворохнулся, как живой, словно просыпаясь.

Винт лениво, будто нехотя, описал круг.

Продуваемый мотор зачихал, стрельнул выхлопом – и тут же зарычал, как разбуженный зверь, завыл, засучил невидимыми шатунами, пуская дрожь по корпусу.

– Убрать колодки!

Григорий стал прогревать движок, варьируя обороты, и огляделся. Пилоты сидели по кабинам «Яков» или выруливали со стоянок, соблюдая очередь.

– «Колорад», как слышишь? – прохрипели наушники голосом Бабкова.

– Слышу хорошо, – ответил Быков.

– Первая эскадрилья – по самолетам. Вылет по мере готовности.

– Вас понял! – вклинился Долгушин.

– Полковник Сталин в паре со старшим лейтенантом Ореховым, – официальным голосом сказал «Петрович», – и капитан Холодов в паре с лейтенантом Макаровым вылетают прикрывать боевые порядки 1-й ударной армии в районе Демянска. Понято?

– Так точно!

«Як-9» плавно тронулся вперед, чуток покачивая крыльями.

Быков добавил газу, выруливая на старт.

Глянул на полуобвисший «колдун» – ветра нет. Почти.

«Почти» не считается...

Истребитель взлетел легко, будто птица вспорхнула.

Четыре самолета потянули к линии фронта.

Летели на тысяче метров, и Быков только головой покачал – ориентироваться тут было сложно, глазу не за что зацепиться. Сколько тот глаз хватал, сплошь черный с бурым отливом лес, да белые пятна приваленных снегом озер и болот.

Вскоре, однако, «достопримечательности» появились – сожженные дотла деревни, воронки, брошенные окопы...

Линия фронта походила на степной пожар – по кривой пылали подбитые танки, дома без крыш, перевернутые машины, не понять, свои или чужие.

Сверкали вспышки выстрелов, взрывы подбрасывали грязный снег и комья мерзлой земли.

И дым, дым полосой...

От самого Демянска, крошечного городишки, мало что осталось.

Год назад в этих местах образовался самый настоящий котел, Демянский котел – Красной армии удалось тогда окружить части 16-й армии вермахта и дивизию СС «Тотенкопф» – «Мертвая голова».

Правда, гитлеровцы прорвали-таки кольцо – самолеты Люфтваффе перебрасывали окруженцам боеприпасы по «воздушному мосту».

Каждый божий день сотни транспортников – «Юнкерсов -52» и «Хейнкелей-111» – сновали по этому мосту челноками, хотя долетали не все.

Быков был предельно внимателен и сосредоточен – это только на глупых плакатах немцы изображаются трусами и неумехами.

Нет, Красной армии противостояло умелое, упорное, сильное и опасное воинство.

Только попробуй, дай слабину – все, сомнут.

Что ж, тем весомей победа над фрицами...

– «Колорад»! – резануло уши. – Вижу самолеты противника! Шесть «худых» и четыре «фоккера»!

– Аллес гут, – буркнул Быков.

Немцы, пользуясь своим численным преимуществом, сразу набросились на «Яки».

По всей видимости, вся их десятка была группой расчистки воздушного пространства – в задачу таких «чистильщиков» входил разгон истребителей противника, чтобы свои бомбардировщики могли спокойно сбросить смертоносный груз.

Холодов первым повел в счете, подранив «Фокке-Вульфа» – тот, оставляя тающий след вытекающего масла, потянул к своим.

Ну, одним меньше...

– Командир, отходи, – послышался голос Володьки Орехова, – я прикрою.

– Атака! – резко сказал Григорий.

Чертова дюжина самолетов закрутилась и завертелась – стая против стаи.

Красные звезды и черные кресты так и мелькали.

Казалось невозможным уцелеть в этой свалке, но летчики уворачивались.

Самый наглый «фоккер» примерился, как бы зайти в хвост Холодову.

Быков дал по нему короткую очередь, и немец ушел боевым разворотом наверх.

Сверху, уже от «мессера», протянулись хлесткие жгуты трассеров.

Григорий заложил глубокий вираж, аж в глазах потемнело от перегрузки.

Крутанул «бочку», наблюдая, как пара «худых», только что атаковавших его, пикирует вниз, и нажал гашетку, посылая вдогон снаряды и пули.

Вспышки на киле ближнего «Мессершмитта» высветили попадание, потом сталь разящая добралась до кабины пилота, раскалывая стекло и брызгая кровью.

Готов.

– Есть! – крикнул Орехов. – Командир, «худые» сзади!

«Колорад» даже высматривать опасность не стал – резко отдал ручку от себя, уходя к земле.

У Орехова был настоящий талант – он всегда первым замечал противника.

Ведомый «мессер», будучи в запале, ушел вперед, слишком поздно доворачивая, а вот ведущий оказался умнее – с полста метров затрепетал огнями пушечных очередей.

Быкова спасло мимолетное предвидение, мгновенный расчет: немецкий пилот только-только нажимал боевую кнопку, а он уже тянул ручку вбок и на себя – «Як», постанывая всеми членами, выворачивал, карабкаясь с «горки» на «горку».

Дымные шнуры трасс прошли под крылом, минув хвост, и Григорий вывел машину из виража, загоняя ее на вертикаль. «Мессер» ведущего скользнул прямо над ним, синев брюхом.

Туда-то и вошли снарядики, маленькие да удаленькие. «Худому» оторвало хвост, пестревший отметками побед, и закувыркался аппарат вниз.

Быков глянул мельком, дожидаясь раскрытия парашюта, но кабину «месса» так никто и не покинул.

– Аркаша! Отходи со снижением на сто!

– Володь, а ты, давай, еще набирай. Будь выше!

– Понял!

В этот самый момент одному из «фоккеров» удалось зайти в хвост Макарову.

Григорий видел это очень отчетливо, хоть и был далеко.

Ведущий не бросил ведомого – Холодов открыл огонь с дальней дистанции, но немчура не унимался.

Тогда Иван пошел на таран, левой плоскостью нанося удар по хвосту «Фокке-Вульфа».

Протараненный истребитель посыпался к земле, но и Холодову худо пришлось – у «Яка» у самого крыло отвалилось, и краснотелый истребитель вошел в штопор.

Самолет крутило, как центрифугу, Ивана до того прижало к спинке кресла бешеным вращением, что выпрыгнуть с парашютом не хватило бы никаких сил человеческих.

– Срывом! – заорал Быков. – Срывом!

Холодов не ответил, но то ли сам припомнил, то ли советом воспользовался, но выбросился-таки из гибнущего истребителя методом срыва – прямо в кабине дернул за кольцо парашюта.

Купол раскрылся и буквально вытянул пилота на волю.

«Фокке-Вульф», круживший поблизости, тотчас же атаковал Ивана, но и тот был не промах – опытный парашютист, Холодов потянул часть строп на себя и заскользил к земле, уходя с линии огня.

Зато не ушел «фоккер» – Григорий загнал его в прицел, вынес упреждение, и...

Разрывы так и усеяли нос немецкой машины.

Двигатель у той заклинило, факел огня полыхнул, вытягивая по ветру жирный копотно-черный дым.

Самолет как летел со снижением, так и продолжал лететь, пока не чиркнул по земле законцовкой крыла.

Завертелся, рассыпаясь, вспыхнул, подкидывая горящие обломки на подтаявший снег.

– «Колхоз», «Колхоз»! – закричал Быков в микрофон, вызывая аэродром. – Холодов сбит!

– Живой? – испуганно переспросили в наушниках.

– Живой! Срочно высылайте «У-2»!

– Вас поняла! – ответил высокий звонкий голос девушки-связистки. – Высылаем санитарный «У-2»! Ждите!

– Ждем!

«Як-9» под двенадцатым номером описал круг над речкой, по льду которой распростерся шелк парашюта.

Холодов поспешно гасил купол, и видно было, что руки-ноги целы.

Оглядевшись, Григорий заметил лишь парочку немецких самолетов – «худых», размазанных на страх врагам.

Остальные были либо сбиты, либо улетели, от греха подальше.

Зато эта парочка оказалась назойлива, как слепни в жаркий день – так и вились.

Макаров с Ореховым отогнали ведомого, атакуя «мессер» вдвоем, но тот не сдавался, выписывая такие кренделя, что любо-дорого.

Опытный, гад, попался.

Но ведущий оказался еще круче.

Как он насел на Быкова, так тот и забыл обо всем, едва поспевая за противником.

Мигом взмок.

«Мессершмитт» шел, как по ниточке, ни на один лишний метр не выходя из идеально описанных виражей.

Пилотировал его явный ас, или, как сами немцы говорили, – «эксперт».

Трижды вражина посылал очереди по «Яку», но Григорий пока что выворачивался, уходил.

Но именно то, что немец прессует его, вынуждая уходить в глухую оборону, злило и выводило из себя.

Хотя вывести из себя «Колорада» – это надо было уметь.

Эксперт сумел.

Быков прильнул к прицелу, поминая конструкторов, расположивших тот так неудобно, и дал очередь по размазанному силуэту.

Тень «худого» мелькнула слева выше, мазнув черным выхлопом форсируемого мотора, а секунду спустя пуля провертела в борту дырочку, едва не расколов приборную доску.

Еще одна отметина появилась на лобовом бронестекле, расходясь этакой «снежинкой».
– Врешь, не возьмешь...

Застучала пушка, потянуло порохом. Трасса прошла чуть в стороне, и Быков повернул, снова вжимая гашетку.

Блеснула звездочка попадания на крыле у «мессера».

Немец переложил машину резко, нервно, уходя влево на вираж.

Энергичным переворотом Григорий ввел «Як» в вертикальное пикирование, шатнул ручку, выводя «Як» на линию огня, дал левую ногу и нажал гашетку.

Белесые, дымчатые росчерки трассеров прошли совсем рядом с «худым», но не зацепили.

Немец шустро пошел вверх, набирая высоту, и Быков мгновенно потянул ручку на себя.

Перегрузка навалилась такая, что он еле видел, но вот «мессер» словно сам вплыл в прицел.

Небольшой доворот, очередь в упор по мотору и кабине.

Истребитель затрясся, и снаряды сказали свое веское слово, изрешетив капот «месса», расколачивая фонарь.

«Худой» вспыхнул весь и сразу, взобрался на вершину «горки» – и обессиленно свалился в штопор, разваливаясь в воздухе.

Готов...

Быков расслышал хрип и не сразу понял, что это его же дыхание.

Вымотал его фриц. Ох, и вымотал...

Под регланом все так и хлюпает...

– Горит, сволочь! – донесся ликующий голос Орехова. – Горит, горит! Командир, уходи домой!

– Не командуй тут... – проворчал Григорий. – Раскомандовался...

– Двенадцатый, двенадцатый! Э-э... «Колорад»! «Колхоз» на связи! Звено «У-2» на подлете! Комзвена лейтенант Савельев. Понято?

– Понято...

– Двенадцатый, это Савельев! Прикройте!

– Прикроем.

«Яки» закружили в небе, дожидаясь, пока легкий биплан сядет на речной лед, подберет хромающего Холодова и взлетит.

– Ведомые, посматривайте... Уходим.

Боевой вылет длился всего-то час, но Быков чувствовал себя тряпкой, хорошо выжатой и вывешенной на просушку.

С трудом отстегнув пояса, он полез из кабины, вытягивая непослушное тело на свежий воздух.

В зеркальце мелькнуло его лицо – серое, глаза красные...

Едва не «капотировав» с крыла, Григорий тяжело спрыгнул на землю – и рухнул на колени.

Ноги не держали.

Чьи-то сильные руки подхватили его, помогли встать. Уцепившись за крыло, Быков разглядел своих – Микояна, Котова, Коробова.

От землянки КП еще бежал кто-то, и Володька Орехов, едва заглушив мотор, ковылял навстречу, сдирая шлемофон и встряхивая мокрыми волосами.

– Команди-ир! – завопил он. – Ты четырех завалил! Трех «худых» и «фоккера»!

– Да и черт с ними, со всеми, – устало проговорил Григорий.

С ним ручкались, ему улыбались – открыто, искренне, уважюще, – поздравляли с победой, а он мечтал лишь об одном: скорее б в душ!

Вода в душевой брызгала едва теплая, но и это было счастьем. Отмыться, освежиться, да еще и с мылом – тяжелый брусок «Хозяйственного» обещал избыть вонь, пот, гарь, пыль...

...На этом участке фронта русским летчикам противостояли асы из эскадры «Мельдерс», одной из самых прославленных в Люфтваффе.

И вот, что интересно – немецкие летчики, попадая в плен, хвастались, что им-де не позволяют делать более двух вылетов в день.

А уж сами они даже не подумают поднять свои самолеты хотя бы в третий раз – зачем? Это ж нарушает их права!

Зато русские совершали по четыре, по пять боевых вылетов ежедневно и почитали сей ратный труд за честь.

Попробуй только, запрети тому же Долгушину такой вылет – обидится насмерть!

Обтеревшись так, что кожа горела, Быков едва не застонал от наслаждения, натянув чистое исподнее.

Вместо дурацких галифе он надел синие бриджи.

Стиранную и выплаженную гимнастерку.

Заученным движением намотал портянки – чистые!

Влез в хромовые сапоги. Затянул ремень. Причесался.

Готов к труду и обороне.

О, и личико порозовело... М-да.

Годы, как и размер, имеют значение.

В дверь постучали, и тут же в комнату заглянул Микоян.

– Разрешите? – растянул он губы в улыбке.

– Входи. Скоро вылет?

Степан замахал руками.

– Какой вылет, дарагой? – воскликнул он, коверкая русскую речь. – Бабков дает передых до завтра. Слушай, Вась...

Посерьезнев, он присел на подоконник.

– Я не только сам по себе ворвался... – сказал Микоян, приоткрывая форточку. Спohватившись, он спросил: – Можно?

– Кури.

Степан закурил.

– Тебя то шило не беспокоит? – осведомился он.

– Шило? – не понял Быков.

– Забыл, что ли? Четыре, нет, пять дней назад! Помнишь? Шило в твоём «Яке» нашли, оно еще тяги клинило.

– А-а, это... И что?

– Охотятся за тобой, Вася, – строго сказал Микоян. – Облаву устроили. Меня наш замполит подослал, чтобы тебя как бы... это... подготовить. Скоро он сам придет...

В дверь постучали.

– Разрешите?

– Заходите, товарищ майор!

Вячеслав Георгиевич Стельмашук, замполит командира полка, был истинным комиссаром.

Он полагал, что главное в борьбе с врагом – это должным образом проводимая ППР – партполитработа, включая охват масс выпусками стенгазеты.

Осанистый и упитанный, одетый по форме, как на парад, майор вошел и отдал честь.

– Здравия желаю, товарищ полковник!

– Рассупонивайся, – по-простому ответил Быков, – не в штабе.

Стельмашук снял фуражку и аккуратно повесил ее на гвоздь.

– По «делу о шиле»... – продолжил Григорий. – Новости есть?

– Новостей по делу о шиле нет, – ответил майор. В его голосе явно чувствовался украинский говор. – Однако есть мнение, что немецкие диверсанты могут повторить попытку...

– А с чего вы взяли, что шило подсунули немцы?

– К-как?

– Да так. Наш это был.

Микоян почесал в затылке, сбивая фуражку.

– В общем-то, да... – протянул он. – Открыто подойти к самолету и ковыряться в нем мог только человек, на аэродроме давно известный, примелькавшийся. Тут у нас десятки «Яков». Что ж, немецкий диверсант будет ходить и искать нужный истребитель? Да и откуда ему знать, куда шило совать? Он что, нашу машину изучал?

Майор заволновался, поглядывая то на Сталина, то на Микояна.

– Т-товарищ полковник, – еле выговорил он, – вы что же, наших подозреваете? Среди коммунистов полка, комсомольцев и беспартийных не может...

– Может! – осадил его Быков.

Рассудив, офицеры решили устроить ловушку диверсанту.

Степан должен был распустить слух, что сталинский «Як» на сегодня в ремонте.

Так, дескать, подтянуть кой-чего надо на «двенадцатом», дырки залатать, сальники набить...

А замполиту было поручено устроить засаду, прямо на стоянке. Подогнать полуторку, выставить бочки...

Будет, где укрыться парочке скорохватав.

– А что? – взбодрился Стельмашук. – Может сработать!

– Сработает.

– Никуда, гад, не денется! – поддакнул Микоян.

– Действую по вновь утвержденному плану! – торжественно провозгласил замполит.

Из речи тов. Сталина 7 ноября 1941 года на Красной площади:

«...Три четверти нашей страны находились в восемнадцатом в руках иностранных интервентов...

У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии, – мы ее только начали создавать, – не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования.

14 государств наседали тогда на нашу страну...

В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь.

Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов...

Теперь положение нашей страны куда лучше, чем 23 года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад.

У нас есть теперь союзники...

Мы имеем теперь сочувствие и поддержку всех народов Европы, попавших под иго гитлеровской тирании.

Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот... У нас нет серьезной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании.

Дух великого Ленина... вдохновляет нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентики...

Если судить... по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой...

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки!

На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

На вас смотрят порабощенные народы Европы, как на своих освободителей.

Великая освободительная миссия выпала на вашу долю.

Будьте же достойными этой миссии!

Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая.

Пусть вдохновит вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!

Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Глава 4 Диверсант

День выдался спокойным, заявок на штурмовку и разведку не поступало.

После обеда одна лишь долгушинская эскадрилья вылетала, «пешки» сопровождать. Вернулись без потерь.

«Размяться толком не успели!» – выразился лейтенант Лепин.

Быков лениво приблизился к окну.

Сталинский «Як-9» с номером «12» отсюда почти не был виден, только хвост виднелся под накинутой масксетью.

«Забавно...» – подумал Григорий.

А вот, интересно, изменится ли что в мире из-за него?

Нет, перемены кой-какие есть, взять ту же разницу по сбитым самолетам.

У «Сокола» их один наличествовал, а у «Колорада» уже втрое больше. Да куда – втрое? Всемеро!

И это он еще размяться толком не успел...

Но это все так, мелочи.

Сработает ли «эффект бабочки»?

Пойдут ли изменения волной, аукаясь в будущем?

В принципе он тут второй день всего, рано еще о переменах говорить.

...Закончить войну пораньше, сохранить миллионы жизней, амнистировать эков... не всех, конечно.

Строить лучшие в мире танки, самолеты, ракеты...

Дома, дороги, автомашины, ЭВМ...

Строить социализм – настоящий, такой, чтобы выиграть в экономической борьбе с «загнивающим империализмом».

Не малевать дурацкие лозунги, вроде «Слава труду!», а платить хорошему рабочему в десять, в двадцать раз больше, чем плохому...

И будет нам счастье.

«Эффект бабочки»... Быков усмехнулся.

Ну, на бабочку он не тянет, скорей уж на мотыля...

Вот только если изменения пойдут вскачь, то и будущее станет иным. Того мира, в котором он жил, не появится.

Да и черт с ним!

Не будет предательского XX съезда, ВКП(б) не превратится в КПСС, не случится перестройки-катастрофы, вечно пьяный презик не станет прогибаться перед Вашингтонским обкомом и не раздаст по блату нефтянку, не произойдет самое чудовищное экономическое преступление в истории – «прихватизация», не разрушится советская школа, не распадется сам СССР.

Разве плохо?

Фыркнув, Григорий стал рыться в вещах, отыскивая планшет. Минут пять рылся, пока не вспомнил, что оставил его в кабине самолета.

Помянув черта, стал собираться.

Прикинул, что к чему, сунул за пояс наградное оружие – испанскую «Астру», да не простой пистолет, а позолоченный⁴.

Пригодится...

⁴ В общем-то, это была не награда, а ценный подарок от К. Ворошилова. Но пистолет был хорош.

«На улице» стояли сумерки, то самое время, когда нет ни солнца, ни теней, все расплывчато и даже малость нереально.

Потоптавшись на крыльце избы – не хотелось ему «портить малину» энкавэдэшникам – Григорий поморщился, да и пошел, пробираясь к истребителю окольным путем.

– А ну, стой! – раздалось приглушенно.

– Стою, – спокойно ответил Быков.

– Товарищ полковник? Извиняйте, а то я думал, вдруг кто посторонний...

– Планшет оставил, раззява.

«Колорад» быстренько запрыгнул на крыло, присел и стал шарить по кабине.

Куда ж он его сунул? А, вот он, под пульт свалился...

Было совершенно тихо, и в этом вечернем молчании ясно слышались крадущиеся шаги.

Быков замер в неудобном положении.

Наполовину просунувшийся в кабину, он был мало замечен.

Да и сумрак скрывал фигуру, размазывая очертания в потемках.

Неизвестный нырнул под крыло.

Звякнули гаечные ключи, донесся шипящий матерок...

Григорий медленно-медленно повернул голову, перенес тяжесть тела с немеющей ноги.

Некто в форменке техника ковырялся у стойки переднего шасси.

Та-ак. Уже веселее...

Полязгав, побряхтев, диверсант тихонько собрал зачуханную сумку с инструментами, развернулся, шагнул прочь...

Быков привстал, да и сиганул с крыла, падая на вредителя и заваливая его.

Диверсант оказался вертким и жилистым.

Сбросив с себя Григория, он отскочил, падая на колено, нащупал в сумке пистолет «ТТ» и выхватил его.

Ни направить на «Колорада», ни выстрелить техник не успел – за его спиной вырос смутный силуэт.

Резкий удар по шее, залом...

Враг повержен и обезоружен.

– Фонарь сюда! – крикнул невидимый Стельмашук.

Свет тусклого фонарика сначала выхватил встававшего Быкова, затем задрожал на диверсante.

– Това-арищ Юдин! – насмешливо пропел замполит. – Ну, вот мы и встретились!

– Знакомая личность? – поинтересовался Григорий, отряхивая бриджи.

– А то! Позавчера ночью в самоволку хаживал со старшиной Аникиным. В деревню соседнюю. За тысячу рублей купили поллитра самогону!

– За тысячу? Не слабо...

Летчику за сбитый «Мессершмитт» выдавали премию в 2000 рублей. Две бутылки первача?

– Посветите-ка на стойку шасси.

– Куда-куда?

– Вот, где переднее колесо. Ага...

Быков присел и глянул.

– Ах, ты, сволота поганая... – протянул он, разглядывая гранату, прикрученную проволокой.

А вот и веревочка протянута...

Взлетает он, значит, убирает шасси, веревка натягивается, выдергивает чеку...

И на счет «три» – в крыле дыра.

Даже в свете фонаря было заметно, как побледнел Стельмашук.

– Это ж... Это ж...

Не найдя слов, майор замотал головой.

А тут и Юдин застонал, приходя в себя, заморгал глазами, соображая, где он, и новый стон издал, когда понял, что попался.

Григорий присел на корточки.

– Жить хочешь, сука?

Ответом ему был всхлип.

– Кто тебя послал? Ну?!

Юдин скривился.

– Из пролетариев мы, – быстро заговорил он, знобко вздрагивая, – самые что ни на есть советские! Это все интеллигент этот, с панталыку меня сбил! Спойл, зараза, а теперича и на кривую дорожку толкнул! Андрей Сергеич его зовут, фамилие – Пацюк. Учительствует он в деревне, при школе и живет. Это все он, он!

– Разберемся! – резко сказал Стельмашук. – Этого увести. Приказ такой: сохранять полную тайну! Юдина мы арестуем, а о ЧП – никакого шума. Нельзя спугнуть хозяев этого «пролетария».

– Да какой с него пролетарий! – злобно сказал один из автоматчиков. – Шкура это! Извиняйте, та-ащ майор...

– «Эмка» на ходу? – осведомился Быков.

– На ходу, на ходу! К этому... Пацюку наведемся?

– Да надо бы.

– Едем!

На заднее сиденье «эмки» трое энкавэдэшников не влезли, уж больно здоровы были. Поехали вчетвером.

Быков трясся рядом с замполитом, водителем «по совместительству», и думал, как хорошо быть командиром полка – ни отказа тебе, ни втыка по партийной линии...

Хотя, наверное, та бесшабашность, с которой он вел себя последние сутки, не слишком нормальна.

Осложнение при ментальном переносе?..

Деревня нарисовалась очень скоро – десяток разоренных изб, беленое здание сельсовета, напротив – низкое, похожее на конюшню сооружение. Это и была школа.

Стельмашук не стал светиться – притормозил, не доезжая.

– Выходим, – скомандовал он. – Сержант Ховаев! Ты, давай с той стороны, только не показывайся – туда выходят окна пристройки. Рядовой Кадыров – со стороны улицы... Стоп. Отставить. Ховаев, подойдешь к пристройке и постучишь в окно.

– Есть! – прогудел могутный сержант.

– Только гляди, не подставляйся. Пошли!

Тропа вокруг школы была набита, сугробы вокруг просели – рыхлые, черные от протавшей пыли и нанесенной сажки.

Кое-где снег был дыряв от мерзких желтых струй или проваливался от выплеснутых помоев.

Стельмашук первым заметил, как в окне веранды вылетело стекло, и блеснуло дуло обреза.

– Ложись!

Быков упал на снег, радуясь, что на «чистый» нанос.

Грохот выстрела расколол вечернюю тишину, пуля злобно взвизгнула, улетающая мимо.

Ховаев вскинул «ППД» и дал короткую очередь в ответ.

– Не стрелять! – крикнул майор. – Он нам живым нужен!
Засевший на веранде выстрелил еще раз, еще и еще...
Не целясь, пулял просто в белый свет, то ли пугая, то ли отгоняя собственный страх.
Быков выстрелил по стеклам, метаясь так, чтобы не задеть неведомого врага.
В этот момент распахнулась дверь пристройки, и на утопанный снежок выпрыгнул молодой человек в распахнутом тулупе.
Скача боком, он выдавал короткие, сухие очереди из «шмайссера».
– Уйдет, сволочь! – застонал Ховаев.
– Вали! – рявкнул Стельмашук.
Сержанту только скажи...
Снял из «ППД» в момент.
– Готов, товарищ майор! – сказал Ховаев с глубоким удовлетворением.
Григорий хлопнул замполита, куда дотянулся – по спине, и сказал:
– Я через школу!
– Осторожно, товарищ полковник!
– Да я и так...
Где ползком, где на карачках, Григорий добрался до угла школьного здания.
Пуля из обреза выбила щепки из сруба, мгновенно спустя докатился звук выстрела.
– Врешь, не возьмешь...
Дверь, что вела с нарядного крыльца, была не заперта.
Внутри все еще стоял неистребимый школьный запах – мела и чернил.
Грязный пол был усеян серыми бумажками с орлами и готической прописью – видать, тут у немцев был штаб или что-то в этом роде.
Учебный год начнется не скоро...
Помещения были пустыми и стылыми, но вот потянуло живым теплом, запахом горящих дров.
Григорий остановился у входа в пристройку, поднимая пистолет дулом вверх.
Никаких звуков через толстую дверь не проникало, но нервный лязг засова на двери сработал, как сигнал готовности.
Быков отпрянул, дверь распахнулась, и в коридор вырвался длинный, как жердь, субъект в черном драповом пальто.
В одной руке он сжимал «Наган», в другой держал ушанку, а локтем прижимал к себе потертый кожаный портфель.
Завидя человека в форме, субъект уронил портфель и отступил к стене. Револьвер так и плясал у него в руке.
Дуло «Астры» было почти недвижимо.
– Бросить оружие! – донесся с улицы голос майора. – Вы задержаны, гражданин Пацюк!
Прислушавшись, учитель невесело рассмеялся и покачал головой.
– На кого работаешь, гнида? – вежливо поинтересовался Григорий, следя за глазами Пацюка – те не бегали, выражая страх, усталость и... облегчение, быть может?
Губы учителя дрогнули, складываясь в гримаску.
– О, неужто я вижу перед собой Сталина-младшего? Всегда хотел узнать... Скажите... э-э... Василий, неужели вам не мерзко быть сыном кровавого диктатора?
– Ничуть, – усмехнулся Быков.
– Вот как?
– Я горжусь отцом.
Пацюк так и сверлил его буравчиками глаз.
– Разве вам не снятся миллионы невинных жертв? – тихо произнес он.

– Нет! – отрезал Григорий. – Юдина вы науськали?

Пацюк запирается не стал.

– Ну я, – сказал он обреченно.

– Выходите с поднятыми руками! – послышался голос майора. – Рядовой Юдин дал признательные показания, обвинив вас в подготовке покушения на товарища Сталина!

Учитель засмеялся, да так, что хихиканье больше походило на всхлипывание.

– Было дело, – сознался он.

– Повторяю, – мягко сказал Быков. – На кого работаешь?

Пацюк посмотрел на него, склонив голову.

– Признаться, Василий Иосифович, – проговорил он, – я несколько превысил свои полномочия. Мне была поручена «тонкая работа» – устроить вам несчастный случай, вроде легкого ранения, после чего, под видом контуженного, вывезти в тыл. Я же считал, что для меня все это слишком сложно. Посланную на помощь команду я отправил в Старую Торопу, чтобы не мешали, а сам решил привести приговор в исполнение. Приговор, вынесенный народом! Думаю, хоть с сыном поквитаюсь, коли до пэра не дотянуться...

– Последний раз спрашиваю, – терпеливо сказал Григорий. – Кто?

Учитель выдавил улыбку.

– Я сам еле вычислил Того-Кто-Приказывает, – хихикнул он. – Никита Хрущев. Не спрашивайте меня, откуда я это знаю. Долгая история... А мне некогда. Увидимся на Страшном Суде!

Пацюк приставил дуло револьвера к виску и нажал на спуск.

Быков поморщился: брызги мозгов, заляпавшие стену, не самое приятное зрелище.

Микоян был настырен и упорен, а посему Быков, хоть и сжато, но о захвате Пацюка рассказал-таки.

– Никитка? – фыркнул Степан. – А ты помнишь, как он гопака отплясывал перед твоим отцом?

– Помню, – усмехнулся Быков.

Дотянувшись до гитары, до которой Миха Гарам был большой любитель, Григорий стал ее настраивать, подкручивая колки и трогая струны.

– Это же шут!

– Очень опасный шут.

Злобный, коварный, подлый...

Он не забывает ни одного унижения и обязательно припомнит все своим обидчикам.

А пока Никитка выжидает.

При живом Сталине он не страшен. Но, как только вождя не станет, шут такой цирк устроит...

И Василию Иосифовичу, и Берии, и Судоплатову, и Жукову, и Молотову...

Может, даже с отца и начнет – поможет скоростно скончаться.

– Ладно, Степ, – вздохнул Григорий. – Отбой!

Сообщение Совинформбюро. Сводка за 6 марта 1943 года:

В результате двукратного штурма наши войска овладели городом Гжатск. Захваченные трофеи подсчитываются.

В течение ночи на 6 марта наши войска вели наступательные бои на прежних направлениях.

6 марта наши войска в результате двукратного штурма овладели городом Гжатск.

На других участках фронта наши войска вели наступательные бои на прежних направлениях.

5 марта частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено не менее 10 танков, до 100 автомашин с войсками и грузами, подавлен огонь 15 артиллерийских батарей, взорвано четыре склада противника с боеприпасами.

Глава 5 Охотники

Утро 7 марта выдалось холодным и хмурым, и вылезать из-под одеяла крайне не хотелось.

«Подъем!» – скомандовал себе Быков и встал.

Подогрев на примусе полковника воды, побрился, намылив щеки полузабытым помазком.

А уж опасная бритва «Золинген» и вовсе пугала, но это ничего, обвыкнет, зато такая бреет чище.

В зябком сумраке летчики сбегались на короткое построение, после чего разошлись по эскадрильям.

А вот комэскам полагалось явиться в штаб – получить задание или втык. Ну, или то и другое в одном флаконе.

Обсудив с Бабковым дела насущные, Григорий вернулся к своей эскадрилье – «ветераны» споро выкопали себе землянку в три наката.

Десятерым в ней было тесновато, зато тепло – «буржуйка» в углу гудела, нагоняя жар. Огромный мятый чайник пыхал паром.

– Чайку, командир? – прогнулся Котов.

– Ливани.

– Мед есть. Дать?

– Спрашиваешь...

Быков не любил чай вприкуску, но не обижать же «Котика».

Тот так старается...

Отпив полкружки, «Колорад» сказал:

– Вылет через час.

– Наконец-то! – обрадовался майор Зайцев. – Одни?

– Первая с нами.

– К Демянску?

– В район Ярцево, «пешки» прикроем.

Подумав, Быков решил, что инструктаж лишним не будет.

– Будем метров на восемьсот сзади и выше бомбовозов, – сказал он.

– Правильно, – кивнул подполковник Герасимов.

– Миша, поведешь четверку, будешь слева от меня, с превышением на двести-триста.

Полковник Якушин кивнул.

– Второй парой с тобой пойдет Микоян. Со мной – Баклан и Зайцев. Через полчаса сбор на КП.

Смоленщина узнавалась по обширным лугам, разрывавшим однотонную курчавость леса.

Луга, еще бурые от прошлогодней травы, испятнанные островками тающего снега, проплывали под крылом самолета, порой стыкуясь с квадратными заплатами полей, небрежных по военному времени.

Черные колеи дорог то и дело расплывались мерзлой слякотью, где-нибудь на обочинах ржавели остовы сгоревших полуторок.

Один раз промелькнула «тридцатьчетверка», с виду совершенно целая – танк стоял, перекосившись, уткнув пушку в сугроб.

В наушниках гулял наплывами хрип и треск.

Быков оглянулся и поморщился – шею натер, постоянно вертя головой в поисках противника.

Спасибо Степану – одолжил шелковый шарф.

С ним получше, но все равно саднит.

«Пе-вторые» шли понизу – две девятки, летевшие клиньями.

Двухмоторные, с алыми звездами на килях, бомберы внушали уважение.

Григорий осторожно повел головой по сторонам – его группа летела ровно, словно подвешенная к хрустальному своду небес. Чудилось, это земля проползает вниз, исчезая за хвостом неподвижных истребителей.

Быков заерзал.

Подлетаем вроде. Пора бы уж...

На дороге, обводившей лес, сквозивший голыми ветвями, качались на ухабах серые коробочки тупорылых «Опелей».

Грузовики спешили к аэродрому, угадывавшемуся вдаль, с краю заброшенного поля.

– Я – «Ферзь», – сипло сказали наушники голосом ведущего «Пе-2», перебарывая помехи. – Подходим к цели! Внимание! Я «Ферзь», атакуем!

– Я «Колхоз». Сопровождаем. «Колорад», как обстановка?

– Боевая, – буркнул Григорий. – Я – «Колорад». На одиннадцать часов, ниже тридцать градусов – аэродром!

Первая девятка пикирующих бомбардировщиков убавила скорость и мягко заскользила вниз, как салазки с горки.

Немцы давно уж всполошились, невидимые зенитки оставляли в небе все больше белых и рыжих хлопьев разрывов, те висли вдоль и поперек, прикрывая аэродром.

«Як» тряхнуло близким взрывом, но осколками не посеколо.

Быков ясно увидел на летном поле серые туши «Юнкерсов» и поджарые «Мессершмитты» на северной стоянке, а в следующую секунду весь обзор заволокло дымом и огнем, пылью и грязью.

Бомбы ложились кучно, подбрасывая самолеты, ломая им крылья, разнося в щепки строения, перелопачивая взлетку, накрывая бегущие фигурки в форме мышинного цвета, а потом стали рваться бочки с горючим.

Двухсотлитровые цилиндры подлетали на огненных тучках, крутились, кувыркались, лопались...

Одна из бомб удачно попала в склад боеприпасов и устроила настоящий фейерверк.

Вторая девятка бомберов несла в своих утробах контейнеры, загруженные колбами с зажигательной смесью «КС».

Вот они стали валиться, некоторые колбы «не дожидались» земли, сталкивались и разбивались прямо в воздухе.

Смесь возгоралась, образуя гирлянды белого дыма.

Они жгутами шли к земле, и вскоре белесую пелену чада «КС» пробил столбы черного срада от горящей техники.

Классика!

А «пешки» неторопливо выходили из пике с разворотом и ложились на обратный курс.

Отбомбились, пора домой.

– Вижу самолеты противника! – доложил Котов.

– Группа, набираем высоту.

– «Колорад»! – воззвал Долгушин. – «Худые»! Много!

– Хорошо. Идем с набором!

Пронизывая пелену чада, затянувшую аэродром, показались «худые» – добрый десяток немецких истребителей расходился веером.

Трассеров заплелось столько, что жутко было даже подумать о том, чтобы приблизиться.

А надо, куда денешься...

Григорий быстро уменьшил шаг винта, дал сектор газа на форсаж и энергичным разворотом атаковал «мессера» в лоб.

Очередь он послал буквально в упор.

Едва не задев «Мессершмитт», Быков проскочил вплотную под ним и взмыл на вертикальную «горку».

В верхней точке он свалил «Як» на правое крыло и стал искать противника правее себя – гансы, после лобовой атаки, наверняка пойдут левым боевым разворотом. Их так учили.

И точно, вон они!

Не теряя времени, Григорий поймал в прицел зловерный «месс», но тут подоспела верхняя пара «Фокке-Вульфов» – правее крыла «двенадцатого» пронеслась трасса.

Быков снова рванул вверх, да так, что в глазах потемнело.

В верхней точке зрение быстро восстановилось.

– «Фоккеры» с запада! Четыре... нет, пять штук!

– Седьмой, это «Колорад». Отходите на курс девяносто!

Быкову было хорошо видно, как «мессеры» зашли в хвост «Яку» с тактическим номером «7» – его пилотировал Микоян.

– Пока никак! – пропыхтел Степан. – Давят, гады!

Григорий бросил свой самолет на выручку, поглядывая за истребителями Володьки Орехова и «Котика».

– Группа, внимание. Разворот на курс девяносто. Атакуем все!

Первым от руки Быкова пал «месс», что выворачивался впереди, уходя в «полубочке».

Очередь порвала «худому» брюхо, доставая до самого капота. Мотор пыхнул языком пламени, и винт тут же «проявился» – серебристый диск оборотился лопастями.

«Мессер» повело вниз, но тут самолет Котова, с изображением драчливого полосатого кота, пересекся с недобитком и дал по нему «контрольную» очередь.

«Худой» вспыхнул весь, от носа до хвоста, и стал валиться, распадаясь на части прямо в воздухе.

Вдруг, откуда ни возьмись, еще один «месс».

Быков развернулся на него неглубоким виражом, будто заманивая в бой, стараясь подставить врага под удар Орехова.

Немец повелся, бросился на «двенадцатый», не замечая ведомого.

А Орехов тут как тут – подловил немецкий истребитель на вираже, да и всадил в него порцию снарядов.

Хоть и малый, но калибр сказал-таки свое слово – загорелся «Мессершмитт», как растопка.

– Есть!

– Седьмой, держись!

Якушин с Микояном, как на качелях, болтались, шныряя по воздуху, увертываясь, зажатые «мессерами».

«Колорад» с ходу проредил строй «зажимальщиков», снося одному из «худых» кабину вместе с пилотом.

Обезглавленный «Мессершмитт» вошел в штопор, и так до самой земли, далекой и очень твердой.

Готов.

– «Колорад»! «Мессер» на хвосте!

Самолет Григория моментально пошел в «горку», сделал «бочку» со снижением, но к умелому пилотажу не стремясь.

В итоге получилась «кадушка» – так опытные пилоты называют неумелое выполнение этой фигуры, когда переданы элероны, опускается нос самолета и теряется высота.

Но именно эта нарочная «жопорукость» и спасла «Колорада» – его «Як» из-за «кадушки» ушел под своего преследователя, оказываясь за счет прибранного газа ниже «месса» метров на полста и в хвосте.

Сразу дав газ, Григорий сделал «горку», ловя немца в прицел.

Очередь. Вздрог. Вонь.

Сбит!

Правее «Колорад» увидел трассу – стреляли по нему.

Сейчас возьмут поправку...

Григорий резко закрутил со снижением неуправляемую «бочку». Потом поддернул «Як» на «горку» и навскидку ударил очередью по «животу» «Me-109».

Не убил. «Ранил».

Чуть повернув, Быков повел группу в набор высоты.

Однако и немцы так просто сдаваться не собирались – «мессы» с «фоками» разбились на пары и навязали «Якам» бой.

– Седьмой, тяни наверх.

– Тяну...

– Смотри хвост!

– Внимание, группе разворот. Курс ноль.

– Хользунов! Едрить твою... Уходи! «Фоккеры» сзади!

– У Батова мотор встал! Прыгнул!

– Кот, прикрой его!

– Хользунов сбит!

– Т-твою ма-ать...

– Готов второй! Зажгли свечечку!

– Володька, уходим вниз. Переворот.

– Я Седьмой, пробую набрать высоту.

– Миша, сзади сверху еще двое. Разворот!

– Кот, отходи под нас.

– Пятый, отбей!

– Уже!

– Пятый, набери еще метров двести.

– Я Пятый, принял.

– «Худые» на хвосте!

– Аллес капут.

Быкову стало жарко.

За бортом самолета было зябко и сыро, а с него пот тек.

Саднила шея, но все это были пустяки, дела житейские.

Шел бой, и его горячка владела Григорием, затмевая все болячки и недомогания.

Немецкие и советские истребители сходились и расходились, щедро выдавая пули и снаряды.

Кресты со звездами перемешались так, что в глазах рябило.

Перегрузка наседала и отпускала, небо и земля то и дело менялись местами.

Дикое неистовство выплескивалось из «иванов» и «гансов», но красноезвездные вели в счете.

«Мессы» с «фоккерами» один за другим срывались с небес, кутаясь в огонь, вытягивая черные и серые шлейфы.

Чуть ли не десяток пилотов из первой и четвертой эскадрилий пополнили свой список побед.

Не всем, правда, было суждено украсить борт своего самолета очередной звездочкой...

Немцы, как нация более рациональная, первыми вышли из боя, потянули на юг.

Парочка «худых» парила разбитыми радиаторами, но моторы пока не клинило. Остальные прикрывали подранков огнем пулеметов.

– Командир! – прорезался азартный голос Орехова. – Добьем?

– Отходим.

Очень быстро убийственная карусель замерла, наши и не наши разлетелись, оставляя на земле дымящиеся обломки.

Горе побежденным...

Настроение у Быкова было обычное.

Для приподнятости не хватало сущей мелочи – чтобы все были живы и здоровы.

Да, из его пилотов никто не пострадал, но и Хользунов ему не чужой, однополчанин все-таки.

А с Батовым что?

Вот, и морщишь лицо...

Григорий неожиданно подумал, а что же с ним самим случилось в тот «роковой» день, 5 марта?

Не *здесь*, а *там*?

Может, тамошний Быков и не почувствовал ничего при этом... как бишь его... ментальном переносе?

Добил пиндосовский «Тандерболт», да и повернул к Широкино?

Или, как говорится, скоропостижно?... Душа-то отлетела... Вернее, перелетела.

На новое ПМЖ.

Или теперь две одинаковые души сосуществуют в мироздании, разделенные семидесятью годами?

Сейчас ты договоришься, усмехнулся Быков.

Уже о переселении душ речь пошла. А еще атеист! Не стыдно?

Пропесочить бы тебя на партсобрании, выбить всю дурь из головы...

Впереди, за бесконечной кудрявостью леса, Григорий заметил давнишнюю звонницу, их единственный ориентир.

Сама церковь лежала в руинах – то ли бомба угодила, то ли рьяные безбожники снесли, – а башня колокольни стояла несокрушимо.

Ободранная, с оголенной кирпичной кладкой, она неприятно напоминала освежеванное тело.

Ну, хоть с курса не сбились...

Самолеты с «пятеркой» и «семеркой» на борту по-прежнему летели левее.

Микоян с Котовым обошли звонницу со своей стороны, Быков – со своей.

Лес впереди на секундочку расступился, открывая широкую дорогу с полуторкой, торчавшей поперек ямистой «проезжей части».

К грузовику была прицеплена повозка-рама, с которой задирала тонкий ствол зенитная 25-мм пушка образца 1940 года.

Вокруг нее суетились непонятные личности в штатском.

Все это очень быстро ушло из поля зрения, а в следующее мгновение перед «Яком» вспухли дымные клубы разрывов. Самолет вздрогнул – осколки порвали обшивку крыла, пробили капот, чиркнули по фонарю, оставляя белесую борозду.

– Твою медь!

Быков резко вывел истребитель из-под огня и заложил вираж.

– Внимание, группа! Обстрелян неизвестными зенитчиками!

Описав круг, «Як» вышел на неведомых стрелков со стороны солнца.

Нос самолета наклонился в крутом пике, еще немного... Пикирование стало пологим, и Григорий вмял пальцем гашетку.

«Як» сотрясся от очередей.

Снаряды и пули прошли полуторку от заднего борта до кабины – щепки, жестянки, осколки так и брызнули.

Двоих или троих зенитчиков порвало, а прочие порскнули в стороны.

«Колорад» поднял свой самолет выше, пропуская седьмой и пятый номера.

Микоян с Котовым добавили, изрешетив кабину полуторки.

– Может, это партизаны? – засомневался Орехов.

– А им что, повылазило? – откликнулся Кот. – Красных звезд не видно?

– Разберемся, – буркнул Быков. – Уходим.

...– Вторая эскадрилья – по самолетам! Первая и четвертая – ожидать в готовности!

Моторы ревели, не переставая.

Одни истребители взлетали, другие давно уж были в небе, помогая пехоте удерживать линию фронта, а третьи кружили, ожидая очереди на посадку.

Дул сильный боковой ветер, поэтому все самолеты взлетали и садились чуть ли не поперек ВПП.

Инженеры, техники, механики, мотористы работали, как черти – надо было за каких-то двадцать минут подготовить самолеты к повторному вылету.

Дозаправить, пополнить боекомплект, осмотреть сам истребитель и его мотор, все проверить, где положено, подтянуть, где надо, починить или заменить.

Воняло эмалитом – это перкалью заделывали пробоины.

Звякали ключи, трещали ручные помпы, перекачивая горючее из бочек в самолетные баки, и все это действо перемежалось матерками да резкими командами.

Бедный Вавула бегал вокруг «Яка» с двенадцатым номером, потный и красный, но какой-то спокойный – Сталин больше не ругал его и не угрожал пистолетом, как ранее.

Совсем другим человеком стал!

9 марта войска Северо-Западного и Калининского фронтов усилили натиск на противника, и 32-й полк, как только мог, поддерживал наступление 1-й ударной армии.

Иной раз пилоты работали вместе с «братским» 169-м авиаполком, сживая со свету «Мессершмитты», «Фокке-Вульфы» и прочие «Хеншели».

Лейтенант Батов нашелся – выбрался к танкистам, те помогли добраться до «родного» аэродрома.

Но, видать, заклятье какое лежало на лейтенанте – только его посадили на новый «Як-1», на днях починенный рукастыми парнями из ПАРМа, как в тот же день Батова опять сбили.

Быков со своими крутился неподалеку и видел, как белый купол парашюта опускается точнехонько на немецкие окопы.

Темно-серые фигурки уже бежали к вероятному месту приземления... «Хенде хох, рус-сиш швайне!»?

Решение пришло, как наитие.

Григорий направил самолет к парашютисту и сделал вокруг него вираж.

Батов под парашютом метнулся следом за самолетом, попадая в турбулентцию, и даже немного приподнялся кверху.

Григорий сделал вокруг Батова еще один вираж, с набором высоты – парашютист, не снижаясь, качнулся следом за истребителем.

Воздушные завихрения, что образовывались за самолетом, затягивали парашютиста, будто пылесосом, и тот на шагок оказывался ближе к передовой, к нейтральной полосе, к нашим окопам.

А тут и другие летчики смекнули, в чем дело, и завиражили всей группой. Так и перетянули товарища через линию фронта...

...В тот же день к землянке КП подъехали несколько «эмок».

Их дверцы раскрылись, выпуская на грязный снег целую делегацию высоких чинов.

Они сопровождали главнокомандующего ВВС РККА генерал-полковника Новикова.

Командир корпуса, генерал-майор Белецкий, бодро докладывал ему об успехах, а Бабков в это время бледнел, как привидение – он явственно слышал гул авиамоторов.

– Это не наши, – насторожился Белецкий. – По звуку – «Юнкерсы».

Замкомполка сорвался с места.

– Ракету! – выдохнул он. – Дежурное звено в небо!

С шипением взвилась зеленая ракета, подавая сигнал.

«Колорад» уже с четверть часа сидел в кабине, дожидаясь команды, и с облегчением повел «Як» на взлет.

Следом выруливали Орехов и «Котик».

Красноносые самолеты с ревом поднялись над лесом, разворачиваясь навстречу непрошеным гостям – к Заборовую подлетали три «Юнкерса-88».

С характерными трапециевидными крыльями, «Юнкерсы» выплывали из-за леса, становясь на курс сбрасывания бомб, в створе которого находились стоявшие в конце летного поля незамаскированные «Яки» и «У-2».

Быков поднял свой «Як» выше, Орехов с Котовым последовали его примеру.

– Атакую ведущего, – сказал Григорий. – Володька, бей левого! Кот – правого!

– Бью правого!

Камуфлированные тушки бомберов плыли вниз, отбиваясь от «Яков» – немецкие пулеметы так и строчили.

Быков пустил очередь, поражая верхнего стрелка, и стал сближаться, чтобы с короткой дистанции ударить по моторам и крыльевым бензобакам.

Вжимаешь гашетку, и самолет «бросает в дрожь».

В кабине запахло порохом.

– Получи, зараза!

Быков тут же сделал «горку», целясь по кабине летчиков, скользя между губительных дымчатых трасс, и добился-таки своего – засверкали, разлетаясь, осколки.

Правый мотор бомбардировщика замер, вяло вращая винтом, задымил.

«Юнкерс» стал валиться, соскальзывая на подбитую плоскость, и рухнул, в последний момент вываливая мелкие осколочные бомбочки, прозванные «лягушками».

Ни одна из «лягушек» не рванула – «Ю-88» так низко открыл бомболюки, что не хватило высоты для выворачивания предохранителей-ветрянок.

А вот самолет бабахнул – будь здоров.

По лесу расплылось дымное облако, пробиваемое клубами огня. Взрывом подбросило бескрылый фюзеляж «Ю-88» и раскрыло.

– Переворот, атакуем. Бьем правого.

«Юнкерс» не стал связываться – отворачивая в сторону, он сбросил бомбы в болото, облегчился и потянул к своим.

– Врешь, не уйдешь...

Уберегаясь от пулеметных очередей, два истребителя «вцепились в хвост» бомберу, поливая тот перекрестным огнем.

Тут никакой дюраль не выдержит...

Полыхнуло, и перед быковским «Яком» закрутился громадный круг огня – оторванное крыло взорвавшегося «Юнкерса» пронеслось мимо – винт мотора продолжал медленно вращаться.

– Володька, молодец! Уделал!

Ореховский «Як» пролетел так близко, что хорошо было видно, как из выбрасывателя его пушки вылетали гильзы.

Третий «Юнкерс» уходил, скользил над самым лесом, но шансов спастись у него не было – одно крыло горело, а из другого мотора стелилась сизая морось вытекавшего масла.

– Добить?

– Да он сам...

Бомбардировщик выдыхался, теряя высоту, цепляя верхушки деревьев, и вот его закрутило, завертело...

В стороны полетели сучья и ветки, мелькнуло хвостовое оперение, и тут все скрылось за огненным шаром взрыва.

Готов.

Генералы рукоплескали боевой выучке...

... 11 марта стал последним днем боевой работы 32-го гвардейского над полями сражений 1-й ударной армии.

Авиаполк стал прикрывать наступающие войска 68-й армии и поддерживавших ее штурмовиков 1-го шак.

Днем позже в Кремле летчикам 32-го гиап капитану Котову и старшему лейтенанту Гараму были вручены Золотые Звезды Героев Советского Союза.

14 марта войска Северо-Западного фронта возобновили наступление и, обходя фланги противника, прорвали его оборону.

Секретно. Экз. № 1.

Донесение о чрезвычайном происшествии в 32-м гвардейском ИАП.

Происшествие произошло при следующих обстоятельствах:

14 марта 1943 г. утром группа летного состава, состоящая из командира полка полковника Сталина В.И., Героев Советского Союза подполковника Власова Н.И., капитана Баклана А.Я., капитана Котова А.Г., капитана Микояна С.А., капитана Долгушина С.Ф., командира звена старшего лейтенанта Шишкина А.П. и других, выполняла боевое задание.

Возвращаясь с задания, самолет полковника Сталина В.И. подвергся обстрелу из зенитного орудия в районе «часовни».

Как было установлено сотрудниками 1-го отдела ГУГБ, к этому оказались причастны так называемые «охотники» – преступная группа, готовившая покушение на товарища полковника 7 марта. По небрежности или умыслу главаря группы, «команда охотников» была направлена в Старую Торопу, где ранее базировался 32-й ГИАП, но 14 марта эти враги рабочего класса повторили попытку ликвидировать полковника Сталина В.И.

Трое из них опознаны, начато следствие.

Докладывая также, что с 1-го по 7 марта было сделано на сопровождение самолетов «Ил-2» в район цели, а также на прикрытие своих войск 227 боевых вылетов, проведено 10 групповых воздушных боев.

Сбито 27 самолетов противника, из них ФВ-190 – 10 самолетов, Ме-109 – 15 самолетов. Образцы боевой работы показывали летчики-коммунисты:

гв. старший лейтенант Ленин, сбивший два самолета Ме-109 г;

гв. капитан Почечуев, сбивший один ФВ-190 и один Ме-109 ф;

гв. лейтенант Марков, сбивший один ФВ-190 и один Ме-109 г;

гв. младший лейтенант Разуванов, сбивший два самолета ФВ-190;

гв. полковник Сталин, сбивший три ФВ-190 (еще один в группе), один Ю-88 и один Ме-109 (еще два в группе).

Исключительную отвагу проявил в воздушном бою 7 марта в районе «Коломна» и западнее коммуны имени Крупской Герой Советского Союза гв. капитан Холодов.

Патрулировавшие наши четыре самолета, где старшим был тов. Сталин, встретили до пяти Ме-109 и пять ФВ-190.

В завязавшемся неравном бою, видя явное превосходство сил противника, после нескольких атак гв. капитан Холодов таранил Ме-109 и, сам выбросился на парашюте.

В этом же бою, беря пример со своего командира, гв. капитан Коваль пошел на таран и таранил самолет противника ФВ-190, отрубив ему винтом хвост, сам произвел посадку на р. Ловать; был доставлен в тяжелом состоянии в госпиталь, поломав при посадке ввиду неуправляемости самолета обе руки и ногу.

На тараненном немецком самолете ФВ-190 оказался летчик-майор. Таран подтверждают командиры зенитной батареи и летчики Ленин и Макаров.

Заседанием партийной комиссии принято в ряды ВКП(б) – пять человек.

Выпущен один номер стенгазеты.

Вывод: политико-моральное состояние полка хорошее, полк готов выполнять любую задачу.

Заместитель командира 32 ГИАП по политической части гв. майор Стельмашук.

Глава 6 «Соколиный удар»

В тот же день в 32-м полку случилось ЧП с капитаном Избинским.

Иван Иванович воевал с осени 41-го, совершив четыреста боевых вылетов и сбив шестнадцать самолетов.

Это был лихой, отчаянный боец.

До войны Избинский имел судимость за драку и был осужден на восемь лет с отбыванием наказания на фронте, из-за чего и наград не имел.

А после Сталинграда сразу получил два ордена – Ленина и Красного Знамени.

И сняли с летчика судимость. И к Герою представили.

Казалось бы, живи да радуйся, так нет – слишком часто и подолгу прикладывался Избинский к бутылке.

И дурел.

А под вечер, как назло, командир БАО заехал на стоянку, да не пустой, а с баклажкой спирта.

Иван Иваныч не удержался...

...В землянке КП было спокойно, тихо.

Иногда только слышать было зуммер у радистов, да стрекот пишмашинки в углу, отгороженном плащ-палаткой, на манер ширмы.

Бабков и штурман полка Якимов корпели над бумагами. Долгушин расстелил карту на свободном столе и показывал Быкову, куда намерены на разведку летал.

Зазвонил телефон.

Начфин ответил, выслушал и осторожно положил трубку обратно.

– Избинский идет к нам и обещает меня убить, – пролепетал он.

– Опять напился! – Бабков шваркнул карандашом.

Минуту спустя раздалась очередь из автомата.

– Придурок, – буркнул Григорий, вставая.

Долгушин поднялся следом.

Выходя из землянки, «Колорад» расслышал еще один звонок.

– Избинский взял автомат и идет к КП!

Быков закрыл за собой дверь и сразу увидел нарушителя спокойствия.

Иван шел нетвердой походкой, держа «ППШ» в опущенной руке.

– Поговори с ним, – сказал Григорий, исчезая в лесу.

– Иван! Что такое? – громко заговорил Долгушин. – Перестань!

Избинский остановился, покачиваясь.

– Сережка, – промычал он, – ты не подходи – застрелю!

– Вань! – продолжал его увещевать комэск. – Перестань! Вчера мы не допили, у меня дома есть, пойдем!

– Сережка, не подходи – я тебя убью!

– Я не к тебе иду, а в эскадрилью!

– Тогда вот так обходи!

Долгушин стал опасно обходить Ивана Ивановича, а тот вел за ним ствол.

В этот момент Быков и зашел Избинскому за спину. Молниеносно обезоружив пьяного пилота, он повалил его, орущего непотребные слова, и скрутил.

– На «губе» посидишь, придурок, – сказал «Колорад», пытаясь.

Тут подбежал Долгушин, за ним поспешали Бабков и Микоян.

– Всех пор-рву! – трубно ревел Избинский. – Пер-рережу! На куски!

Григорий коротко ударил, вырубая Ивана, и тот затих⁵.

– Проспится, – буркнул Быков, – поговорю.

Поздно вечером Микоян позвал Григория к крошечной землянке на отшибе, где устроили гауптвахту.

Коптилка из снарядной гильзы больше мешала, чем светила.

Избинский уныло сидел на краю топчана, сгорбившись, свесив большие руки между колен, являя собой образец смирения и покаяния.

– Я никого не... того? – хрипло спросил он, поднимая голову. – Товарищ полковник?

– Не попал, – буркнул Быков.

Избинский тоскливо вздохнул.

– Нам обоим пить нельзя. Я – бросил. А ты...

– Брошу! – с жаром пообещал пилот. – Слово даю!

– На первый раз – поверю...

– Приказано выделить группу истребителей, – четко выговорил Бабков, – и направить ее в район переправы через реку Ловать. Вылет немедленный. Ожидается подход в этот район бомбардировщиков противника. Конкретные указания группа получит по радио с передового КП «Перевал». Двенадцати самолетов хватит?

– Лучше восемь, – ответил Быков.

– Почему?

– Маневра не будет.

– Понято. По самолетам!

– Есть!

Надев парашют, Григорий крикнул Вавиле:

– На взлет! Снимай маскировку!

Забегала вся четвертая.

Потарахтев, пофыркав, поднимали рев моторы.

– Всем по самолетам! Взлетать сразу за мной!

Эскадрилья двойками быстро поднялась в воздух и построилась правым пеленгом, с превышением пар самолетов между собой – образовался боевой порядок «кубанская этажерка».

Он был схож со «ступеньками крыльца, уходящего от ведущей пары в сторону и вверх».

Встали на курс и пошли к Ловати.

При подходе к линии фронта Быков связался с командным пунктом:

– «Перевал», я – «Колорад». Иду на работу. Сообщите воздушную обстановку.

– В воздухе пока спокойно. Находитесь над Ловатью и ждите указаний.

Над рекою группа развернулась и взяла направление на переправу.

Пары быстро перестроились и заняли свои места правее от комэска, со стороны солнца – светило всегда должно быть сбоку, чтобы оно не мешало нижним парам вести наблюдение.

Григорий перевел группу в пологое снижение.

Набранная высота позволяла разогнать машину, достичь высокой же скорости.

А как еще обеспечить внезапность?

Никто не ждет тебя, а ты – раз! – и появился над районом прикрытия.

Известное дело – пока плюнешь на кулак да замахнешься – тебя трижды одолеют. Бить надо резко.

Ко всему прочему, за счет разгона на снижении можно захватить превосходство и в высоте.

⁵ В реале И. Избинский застрелился из того автомата.

Тут кто выше, тот и прав.

«Высота – скорость – маневр – огонь!»

Это был новый вид патрулирования, опробованный Покрышкиным – самолеты двигались, как маятник в часах.

Не долетая до переправы, набрали скорость и пошли на высоту. Развернулись – и со снижением, наращивая скорость, потянули вдоль Ловати.

Размыкание пар по фронту и высоте не сковывало летчиков, зато – «мне сверху видно все!».

Развернувшись, группа продолжила маятниковый полет обратно к переправе.

– «Колорад», я «Перевал». В воздухе появились «мессеры». Будьте внимательны! И там еще наши, позывной – «Борода»!

Обнаружить врага удалось легко – десятка «худых» зловеще кружила вокруг звена «ЛаГГ-3».

«Мессеры» появились неспроста, наверняка для «очистки».

– Я – «Колорад». На десять часов, тридцать градусов ниже – «худые». Атакуем! Седьмой, прикрой.

С ведомым Ореховым Быков атаковал «Ме-109» в лоб, но те не приняли боя – отвернули и, вытягиваясь в колонну пар, обошли «Яки».

Левым разворотом со снижением Григорий устремился на последнюю «двойку», но «худые» резко свалились вниз, выходя из-под удара.

И тут же ведущий «мессер» с боевого разворота зашел в хвост ведомому Быкова.

– А вот хрен...

Григорий сделал глубокий вираж с большой перегрузкой. Поймал врага в прицел и открыл огонь.

Трасса прошла ниже.

– Мазила...

Прижатый перегрузкой к сиденью, Быков оказался ниже линии прицела.

Он живо откинулся к спинке и с тридцати метров прошил мотор и кабину немца трассой светящихся пуль.

– Есть!

– «Борода»! Пристраивайтесь ко мне в правый пеленг, и набираем высоту!

– «Колорад», я «Перевал»! На переправу идут три девятки «Ю-87». Прикройте!

С запада показалась колонна «лаптежников», прикрытых истребителями сопровождения.

Быков повел свою группу навстречу, бросая самолет в крутое пике.

Ведомый шел за ним, как привязанный.

Навстречу «Якам» потянулись десятки дымных трасс из турельных пулеметов «Юнкеров».

Огневой заслон на пути к ведущему центральной девятки казался непреодолимым, как стена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.